

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ	7
ВОЙНЫ В ЗАЛИВЕ НЕ БЫЛО	13
Войны в Заливе не будет	13
Война в Заливе идет на самом деле?	21
Войны в Заливе не было	60
ДУХ ТЕРРОРИЗМА	95
Дух терроризма	95
<i>POWER INFERNO</i>	
Реквием по башням-близнецам	120
Гипотезы о терроризме	131
Насилие глобального	153
Под маской войны	167
Порнография войны	175
В поисках абсолютного Зла	181
МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ НИЦШЕ	189
ПРИМЕЧАНИЯ	205

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ

... За семь с половиной тысяч лет истории цивилизации, начиная с Шумера, мир не воевал всего около 360 лет...

Современный мир постоянно и непрерывно меняется во всех формах своего проявления. Как ни цинично и ни печально звучит аксиома, но мы все и наш мир в целом живем в эпоху террористической и военной пандемии. Да, не удивляйтесь, не эпидемии, охватывающей на определенное время некую территорию и после прохождения апогея постепенно затихающей и уходящей в небытие. А именно пандемии, которая, охватывая все цивилизационное пространство, не оставляет ни временных, ни территориальных пустот, заставляя всю цивилизацию перебалывать собой. Это страшная, но реальная аксиома сегодняшнего дня.

Две глобальные войны XX века и выход на грань ядерной катастрофы в период длительной «холод-

ной войны» создали яркие предпосылки неминуемого ухода цивилизации от грани открытой и всемирной войны, которая при уровне современной технологии грозит миру апокалиптическим исчезновением. Таким образом создалась ситуация приверженности к «локальным кровопусканиям», когда конфликты не перерастают в очередной глобальный военный кошмар, а превращаются в нескончаемую череду локальных конфликтов и перемежающихся террористических актов.

Если в системе двухполярного построения мира середины XX века можно было найти некие логические объяснения столкновения социальных доктрин, то дальше мир все более стал перемещать свою активность в виртуальное кино, телевизионное, компьютерное пространство. Информация и ее бесконечное муссирование с постоянным накоплением дефектности и дезинформационности стали обыденностью практически каждого читающего и смотрящего в экран жителя нашей планеты.

Манипулирование информационным полем, виртуализация прагматических действий, к которым цивилизация привыкла за прошедшие семь с половиной веков, начиная с Шумера, перестают быть неотъемлемой частью современных военных и террористических технологий, а становятся лишь постановочными мизансценами в сверхкреативном спектакле.

Автор в присущей ему нестандартной манере представляет свою теорию современного мирового противостояния в террористической и военной средах, опираясь на две противоположные доктрины современной малой войны — максимальной прагматизации и брутальности, с одной стороны, и максимальной абстрактности и размытости — с другой.

Зачастую у читателя может складываться странное впечатление заикленности автора на неких доктринальных концепциях и посылах, но, как в системе отрицания отрицания, это только усиливает ощущение безысходности от массового вовлечения мирового сообщества в происходящие процессы определенными силами и практическую беспомощность большинства противостоять этому процессу «цивилизационного перебалливания военно-террористическим синдромом современности».

Книга потребует от читателя не только внимательного прочтения, но и серьезного включения в сопереживание и логику автора, последовательно и своеобразно излагающего свою картину мирового противостояния.

Часть фактов относятся к прошедшим событиям и не включают яркие, циничные и трагические события нескольких последних лет. Но несмотря на это, мировоззренческая теория, предложенная автором, заслуживает самого глубокого внимания

и анализа даже со стороны тех, кто при первичном прочтении будет с ней категорически не согласен.

Терроризм существует на планете столько же, сколько существует сама цивилизация, и исчезнет также с исчезновением жизни на нашей планете. Человеческий разум создает и модернизирует миллиарды концепций и теорий, вписывающихся в те или иные временные рамки. Скоротечность, нарастание объема и постоянное ускорение информационных потоков в XXI веке нуждаются в своих теориях, позволяющих понять и объяснить суть происходящего и постараться экстраполировать это знание хотя бы на ближайшее будущее.

Изменение политического ландшафта, изменение в сторону все большей циничности политической системы воспитания и самих геополитических технологий, расширение системы множественности стандартов (о системе двойных стандартов говорить уже не приходится), тотальный отход от глобальных дипломатических и моральных устоев в поведении делает нашу среду обитания не просто опасной, но и крайне жестокой. И формы этой жестокости также постоянно меняются вместе с совершенствованием современных технологий, особенно в сфере «информационного отравления». Большинство людей может лишь догадываться о всем комплексе психологических приемов, с помощью которых их подвергают ежедневной, а порой и ежечасной обработке,

заставляя становиться невольными участниками тех агрессивных процессов, к которым это самое большинство практического отношения не имеет...

Это маленький срез сегодняшней картины нашего мира. Постарайтесь вместе с автором пройти по логическим закоулкам его пусть и не безупречной, но заслуживающей внимания и глубокой теории осознания самой страшной и самой неизбежной доктрины мира — доктрины террористической войны...

Иосиф Линдер,
Президент Международной
Контртеррористической Тренинговой
Ассоциации, профессор,
доктор юриспруденции,
автор более 35 книг по разведке,
контрразведке, терроризму,
истории специальных служб, военно-
политической истории, боевым и
военным искусствам

ВОЙНЫ В ЗАЛИВЕ НЕ БЫЛО

ВОЙНЫ В ЗАЛИВЕ НЕ БУДЕТ¹

С самого начала было ясно, что это война, которая никогда не произойдет². После горячей войны (кровопролитный вооруженный конфликт), после холодной войны (равновесие страха) настало время мертвой войны — размороженной холодной войны, которая не оставила нам выбора, кроме как схватиться с трупом войны, сделала неизбежным контакт с этим разлагающимся мертвецом, которого уже никому в Заливе не воскресить. То, что там делают Америка, Саддам Хусейн и страны Персидского залива, это и есть труп войны.

Война вступила в фазу окончательного кризиса. Уже слишком поздно для (горячей) третьей мировой, она уже состоялась, продистиллированная капля за каплей в годы холодной войны. Другой уже не будет.

Казалось бы, что распад Восточного блока³, благодаря разблокировке системы апотропии⁴, откроет войне новые пространства свободы. Ничего подобного, потому что апотропия не закончилась, как раз наоборот. В прошлом эта система функционировала как взаимное сдерживание между двумя блоками, исходя из потенциально-виртуального⁵ эксцесса средств уничтожения. Сегодня она продолжает функционировать, и даже эффективнее, чем прежде, в качестве системы самоустрашения, полного самосдерживания и саморазубеждения, вплоть до самороспуска Восточного блока. Но с другой стороны, эта система самоапотропии столь сильна, что и американская, да и вообще вся западная власть также парализована своим собственным могуществом и неспособна принять и распределить его в виде баланса сил.

Вот почему войны в Заливе не будет. То, что война увязла в этом бесконечном саспенсе⁶, не обнадеживает, не утешает. В этом смысле важность [gravité] не-события, ареной которого стал Залив, даже больше, чем само событие войны: происходящее соответствует очень опасному периоду разложения трупа, что и вызывает тошноту и беспомощность оцепенения. И здесь наши символические механизмы защиты снова оказываются слишком слабыми: у нас пропадает возможность как-то влиять на исход войны, и мы переживаем все происходящее с таким же по-

стыдным безразличием, будто мы все являемся заложниками.

Не-война характеризуется дегенеративной формой войны, которая заключается в манипуляциях с заложниками и переговорах. Заложничество и шантаж — вот самые чистые продукты системы апотропии. Заложник занял место воина. Он стал главным героем, протагонистом-симулякром, а точнее, в своем полном бездействии главным недействующим лицом не-войны. Воины пропали в пустоте (пустыне), на сцене остались лишь заложники, в том числе и все мы — в качестве заложников информации⁷ на глобальной сцене массмедиа. Заложник — призранный актер, статист на сцене беспомощности войны. Сегодня заложник что-то вроде стратегического объекта, завтра он станет чем-то вроде рождественского подарка, меновой стоимости и ликвидного актива. Фантастическая деградация фигуры, которая представляла собой воплощение невозможного обмена. Благодаря Саддаму Хусейну (который стал капиталистом заложнической стоимости, вульгаризатором коммерческого рынка заложников, пришедшего на смену рынку рабов и пролетариев) даже такого рода крепкая валюта (стоимость) ослабла и стала символом немощной войны. Заняв место военного вызова, заложничество становится синонимом бессилия [*débilitéé*] войны.

Все мы заложники медиаугара, заставляющего нас верить в войну, так же как когда-то в револю-

цию в Румынии, и мы помещены в симулякр войны, словно под домашний арест. Все мы стратегические заложники *in situ* [на месте]: наше место обязательного пребывания — экран телевизора, где мы ежедневно подвергаемся виртуальной бомбардировке и в то же время выступаем в качестве меновой стоимости. В этом смысле нелепая комедия, которую ломает перед нами Саддам Хусейн, всего лишь отвлечение внимания [*diversion*] как от войны, так и от международного терроризма одновременно. Его мягкий терроризм, по крайней мере, положит конец жесткому терроризму (палестинцев и любых других), доказывая тем самым, что в этом отношении, как и во многих других, он является идеальным сообщником Запада.

Эта невозможность перехода к действию, это отсутствие стратегии ведут к триумфу шантажа как стратегии (со стороны Ирана был еще определенный вызов, Саддам применяет уже только шантаж). Подлость Саддама Хусейна заключается в вульгаризации всего, к чему он прикоснется: религиозный вызов превратился в имитацию священной войны, заложник из жертвы превратился в прибыль, страстное отрицание западного мира — в националистическую возню, а война — в невозможную комедию. Но мы сами помогли ему в этом. Позволив ему поверить, что он выиграл войну против Ирана⁸, мы подтолкнули его к иллюзии по-

беды над Западом. Бунт наемника — единственная ироничная и забавная черта всей этой истории.

Мы пребываем ни в логике войны, ни в логике мира, но в логике апотропии, которая неуклонно прокладывает себе путь на протяжении сорока лет холодной войны, чтобы прийти к развязке в нынешних событиях — в логике немощных событий, к которым относятся как события в Восточной Европе⁹, так и война в Персидском заливе. Перипетия анорексичной истории, а теперь и анорексичной войны: отныне она не пожирает противника, поскольку не видит в нем врага, достойного вызова и уничтожения (и видит Бог, Саддам Хусейн не достоин ни того, чтобы ему был брошен вызов, ни того, чтобы быть уничтоженным), а, следовательно, пожирает саму себя. Зеленый свет ООН с невероятным количеством мер предосторожности и уступок — это деинтенсификация статуса войны, права на войну. Это использование средств предохранения, перенесенное на акт войны: занимайтесь войной, как и любовью, — с презервативом! По шкале Рихтера война в Заливе не достигла бы и двух-трех баллов. Эскалация нерациональна; все происходит так, как если бы путем манипуляций с измерительными приборами создали фикцию землетрясения. Это не высшая степень войны и не нулевая, а немощная и чахоточная, война в асимптотической форме, которая позволяет неограниченно приблизиться к войне, но так с ней

и не столкнуться; это степень транспарентности¹⁰, которая позволяет наблюдать войну лишь в глубине камеры-обскуры.

Подозрения начались уже с отсутствия объявления войны, отсутствия этого символического акта, предваряющего переход к реальным действиям: уже это предвещало и отсутствие ее развязки, как, впрочем, и отсутствие самих военных действий, а заодно — и различия между побежденным и победителем (победитель легко становится заложником побежденного: пресловутый стокгольмский синдром). Раз эта война никогда и не началась, то это война без конца. Мечта о войне в чистом виде, войне орбитальной, очищенной ото всех ее политических и локальных перипетий, привела к тому, что мы докатились до немощной войны, до ее возможной [virtuelle] невозможности; война превратилась в какой-то нелепый танец с саблями, где противники соревнуются в деэскалации, как будто сама искра, само событие войны стало чем-то невыносимо обценным¹¹, впрочем, как и любые реальные события, которые мы более не в состоянии воспринимать. Поэтому все перемещается в сферу виртуального; и то, с чем мы теперь имеем дело, апокалипсис виртуальности, чья гегемония, в конечном счете, гораздо более опасна, чем реальный апокалипсис.

Существует широко распространенное убеждение, что между виртуальным и реальным есть ло-

гическая связь, в соответствии с которой все имеющееся в распоряжении вооружение не может быть однажды не использовано, а такая концентрация военной силы, с которой мы имеем теперь дело, не может не привести к столкновению. Но это аристотелевская логика, которая к нам больше не имеет никакого отношения. В наши дни виртуальное решительно берет верх над реальным, и нам приходится довольствоваться такой крайней виртуализацией, которая, вопреки Аристотелю, является сдерживающим фактором от перехода к действию. Мы пребываем уже не в логике перехода от возможного-виртуального к реальному, но в гиперреалистической логике апотропии реального виртуальным.

В этом процессе заложничество в очередной раз очень показательно. Сначала словно экстрагированное, как молекулы в экспериментальном процессе, а затем продистиллированное капля за каплей в процессе обмена — виртуальная, а не реальная, смерть заложников представляет собой ставку в игре. Кстати, они всегда и не умирают, а просто пропадают без вести. Никогда не воздвигнут памятник неизвестному заложнику, всем слишком стыдно — этот коллективный стыд, присущий заложникам, отражает полную деградацию реальной враждебности (войны) в виртуальное гостеприимство («гости»¹² Саддама Хусейна).

Переход к действию вообще пользуется дурной славой: он соответствует резкому [brutale] снятию вытеснения, а следовательно, психотическому процессу. Кажется, что эта боязнь перехода к действию определяет сегодня все наше поведение: боязнь всякой реальности, всякого реального события, всякого реального насилия, всякого слишком реального наслаждения. Для борьбы с этой боязнью реального мы создали гигантский аппарат симуляции, позволяющий нам переходить к действию *in vitro* [в пробирке] (это относится даже к зачатию). Катастрофе (происшествию) реального мы предпочитаем изгнание в виртуальный мир, универсальным зеркалом которого служит телевидение.

Война также не избежала этой виртуализации, что напоминает хирургическую операцию, цель которой — представить войну с подтяжкой на лице, косметически обработать фантом ее смерти, ввести в заблуждение еще большими телеухищрениями, чем мы наблюдали в Тимишоаре¹³. Даже сами военные потеряли право на потребительную стоимость, право на реальную войну. Апотропия прошла повсюду и не пощадила никого. Как и политики, военные уже не знают, что делать с их реальной функцией — функцией смерти и разрушения. Они обречены на иллюзию войны, так же как политики обречены на иллюзию власти.

2014 НАТО остановило военное сотрудничество с Россией из-за кризиса на Украине.

¹²³ Глобальное — Бодрийяр, как и многие его предшественники и современники, избегает категоричности сущительного, поскольку прилагательное позволяет вместить в себя все смыслы. В данном случае: глобализация — процесс, глобализм — идеология, глобальность — свойство. То же самое касается и употребления слова «универсальное».

¹²⁴ Модерность — Бодрийяр употребляет это словно не столько в значении «современность», сколько как противопоставление традиционности.

¹²⁵ Имманентность (пребывание внутри) — понятие, обозначающее свойство, внутренне присущее предмету, процессу или явлению; то, что пребывает в самом себе, не переходя в нечто иное. Противоположное понятие — трансцендентность.

¹²⁶ «Столкновение цивилизаций» — книга американского социолога и политолога, автора концепции этнокультурного разделения цивилизаций Сэмюэля Хантингтона (1927–2008).

¹²⁷ Тюрьма в Гуантанамо — лагерь для лиц, обвиняемых властями США в различных преступлениях, в частности в терроризме, ведении войны на стороне противника, на бессрочно арендуемой США военно-морской базе в заливе Гуантанамо (Куба). Тюрьма появилась в январе 2002 года, когда туда были доставлены из Афганистана первые 20 человек, обвиняемых «в участии в боевых действиях на стороне исламских экстремистов» — талибов.

¹²⁸ Виктимальность [victimalité] — неологизм от слов «жертва» и «зло», «несчастье». К ее формам можно отнести жертвы преступлений, стихии, несчастных случаев, сексуальных домогательств, включая садомазохизм, то есть все те жертвы, которые не имеют отношения к сакральности либо к войне.

¹²⁹ Jean Baudrillard. *Le masque de la guerre*, Libération — 10 mars 2003.

¹³⁰ Впервые эта статья была опубликована всего за десять дней до начала официального вторжения американских

войск в Ирак, то есть Второй войны в Заливе. В отличие от 1991 года никакого единогласия по поводу новой войны не было. Это положение и обыгрывает Бодрийяр, начиная с названия недавно вышедшего французского фильма.

¹³¹ Prévention — многозначное французское слово: профилактика, предотвращение, предупреждение, недопущение, предохранение.

¹³² «Особое мнение» (Minority Report) — американский фантастический триллер Стивена Спилберга 2002 года по мотивам одноименной повести Филипа Дика.

¹³³ Речь идет о знаменитом докладе в ООН госсекретаря США Колина Пауэлла, включая демонстрацию пробирки якобы со спорами сибирской язвы. Менее чем через год он лично признался, что обнародованные им данные были во многом сфальсифицированными. Оружие массового поражения в Ираке никогда обнаружено не было.

¹³⁴ Фукуяма, Фрэнсис — американский госчиновник, стал известен благодаря статье «Конец истории?» 1989 года, в которой предсказал скорое падение СССР и окончательную победу западной модели устройства общества.

¹³⁵ В оригинале намеренно употреблено английское слово «alien» — отсылка к фантастическому инопланетному виду из вселенной фильма «Чужой» и его продолжений.

¹³⁶ Террористический акт на Дубровке, также известный как «Норд-Ост», — теракт в здании Дома культуры в Москве, длившийся с 23 по 26 октября 2002 года, в ходе которого группа чеченских боевиков захватила и удерживала 916 заложников из числа зрителей и актеров мюзикла «Норд-Ост». В результате операции по освобождению были убиты все находившиеся в здании террористы и освобождена часть заложников. В общей сложности, по официальным данным, погибли 130 человек из числа заложников (по другим данным, 174 человека).

¹³⁷ Jean Baudrillard. Pornographie de la guerre, Libération — 19 mai 2004.

¹³⁸ В апреле 2004 года стало известно о жестоких пытках заключенных в иракской тюрьме Абу-Грейб, совершавшихся американскими солдатами, которые включали в себя изнасилования, избиения и другие издевательства. Во время истязаний американцы делали фотоснимки, позируя на фоне своих жертв. Опубликованные фото- и видеоматериалы вызвали широкий общественный резонанс.

¹³⁹ Израильский разделительный барьер — пограничное сооружение Израиля, отделяющее Израиль от Западного берега реки Иордан, строительство которого началось в 2003 году. Критики разделительного барьера утверждают, что под предлогом обеспечения безопасности Израиль стремится в одностороннем порядке и без переговоров установить выгодные для себя границы между Израилем и будущим Палестинским государством.

¹⁴⁰ Впоследствии этот эпизод был обыгран в культовом сериале «Черное зеркало», где место араба занял британский премьер-министр.

¹⁴¹ Канетти Элиас (1905–1994) — австрийский, болгарский, британский писатель, драматург, культуролог, социальный мыслитель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1981).

¹⁴² Jean Baudrillard. *A la recherche du Mal absolu*, Libération — 17 février 2005.

¹⁴³ Подводное землетрясение в Индийском океане 26 декабря 2004 года, вызвавшее цунами, которое было признано самым смертоносным стихийным бедствием в современной истории. Цунами привело к огромным разрушениям и огромному количеству погибших людей даже за несколько тысяч километров от эпицентра. По разным оценкам, погибло от 225 тысяч до 300 тысяч человек.

¹⁴⁴ Райс, Кондолиза — госсекретарь США с 2005 по 2009 год.

¹⁴⁵ Аллюзия к Общественному договору.

¹⁴⁶ Жан Бодрийяр, Наталья Архангельская. Меланхолический Ницше. Эксперт, 29 апреля 2002.

Литературно-художественное издание

Бодрийяр Жан

**ДУХ ТЕРРОРИЗМА
Войны в заливе не было**

Генеральный директор издательства С. М. Макаренков

